

Игорь Бурдонов

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

№ 1. Верхушка дерева

Мне сегодня утром солнце чуть ниже верхушки дерева среди тонких голых зимних веточек, тянущихся к небу, солнце в облаках слегка мутное, и облака, едва заметно плывущие куда-то влево, видимо, на восток, — всё это напомнило мне тысячи случаев, когда утром солнце чуть ниже верхушки... и так далее, и в каждом из этих тысяч случаев эта картинка означала что-то своё и особенное, незримыми ниточками как веточками протянувшаяся к разным местам, людям и событиям, происходившими там и с ними, и со мной, создавая своё особенное настроение, особенные чувства и мысли, которые так и плывут где-то в глубинных слоях прошлого едва заметно куда-то влево.

20220206

№ 2. Сосульки

За окном на карнизе сосульки мне напомнили мою картинку, которую я рисовал в самом начале 90-х годов, если не в конце 80-х, и на которой изображены музыкальные трубки люй китайского двенадцатиступенчатого хроматического ряда в порядке порождения их длин, которое строилось на чередовании умножения длины на $2/3$ и $4/3$ так, чтобы не выйти за пределы октавы, которой соответствовало умножение на 2, о чём я узнал, читая 25-ю главу Ши цзи «Исторических записок» Сыма Цяня, которая называлась «Люй шу — Трактат о музыкальных звуках и трубках», а картина входила в цикл «Чжоуские Перемены», который я тогда нарисовал и из-за которого Артём Игоревич Кобзев, с которым мы познакомились благодаря моему докладу на XXI конференции «Общество и государство в Китае» в 1990 г., который назывался «Третья дихотомия И цзина» и описывал открытую мною закономерность расположения гексаграмм в порядке Вэнь-вана, Артём Игоревич, который тогда был сотрудником, а теперь он заведующий Отделом Китая Института Востоковедения РАН, упомянул меня на сайте «Синология.ру», написав в статье «Традиция предсказаний и «Канон перемен»», что я использовал «И цзин» в живописи, но это совсем другая история, а картина эта у меня не сохранилась, потому что я её подарил кому-то из артистов после спектакля по моим стихам и текстам, который тогда состоялся в г. Домодедово в народном театре «Чёрный ящик», благодаря моему знакомому, режиссёру Илье Воробьёву, когда я сидел на стуле посреди сцены и читал по бумажке свои стихи и тексты, а вокруг двигались артисты и что-то делали, а что, я не видел, уткнувшись в свои бумажки, и

позже Илья выступал в нашем литературном клубе «Подвал №1» 22 мая 1998 г. со своими стихами из цикла «СИНЬ» и 26 мая 2001 г. со своими стихами «Я видел клоуна в полёте», и очень жаль, что Илья умер в 2007 г., ему было всего 57 лет, но это совсем другая история, а тогда в фойе была выставка моих картин как раз из этого цикла «Чжоуские перемены», и вот после спектакля я подарил желающим несколько моих картин, а среди зрителей спектакля была Надя Максимова, с которой мы познакомились у Евгения Соломоновича Винникова в литературной студии «Сокольники», где я много читал своих стихов и текстов и участвовал не в одной выставке картин студийцев, куда я пришёл в марте 1987 г. с веточкой вишни, которую я до этого держал дома в бутылке с водой, и на которой уже распустились цветы, а к ветке в духе японской, ещё хэйанской, традиции, был прикреплён красный листок бумаги с текстом одной из первых моих танок «Вишня расцвела», и потом Евгению Соломоновичу я посвятил своё стихотворение «Пылит ли дорога на тысячи ли», написанное в августе 1987 г., а потом он умер, но это совсем другая история, а ещё были мои товарищи по Демократической партии России, в которой я тогда активничал вплоть до члена политсовета московской организации партии, и один из них, будущий депутат первой государственной думы, Женя Малкин сказал мне тогда, когда мы возвращались из Домодедова на электричке: «Если бы я писал стихи, как ты, я бы не занимался политикой», а я ему что-то ответил, но что, не помню, но это совсем другая история, лет через десять политика для меня закончилась, а стихи и картины остались, в том числе и плохая фотография той картинки, что напомнили мне сосульки, свисающие за окном с карниза в

неравномерном порядке, похожие на китайские трубки-люй в порядке порождения их длин, так и свисающие до сих пор.

20220206

№ 3. Дерево над домом

Мельком взглянув в окно, мельком, потому что десять тысяч раз я в него смотрел, увидел, что я неправильно рисовал дома с деревьями, точнее, многоэтажные дома, потому что маленькие домишки-избушки я рисовал правильно: деревья над ними возвышались и лапами-ветвями к земле прижимали, соблюдая старшинство, а многоэтажные дома, хотя я их и мало рисовал, рисовал неправильно, я ведь как рассуждал: многоэтажный дом высокий, он же гораздо выше дерева, так и рисовал, а на самом деле, если посмотреть с моего третьего этажа, то дерево гораздо выше крыши соседнего шестнадцатизэтажного дома, может быть, лапой-веткой к земле и не придавливает, но всё равно с небом напрямую говорит, конечно, люди, которые художники, любят объяснять про перспективу, но это они от учёных людей плохому научились, а раньше рисовали правильно: что важнее, то и выше: гора выше дерева, дерево выше дома, дом выше человека, а люди тоже разные: одни важные и потому большие, другие незначительные и потому маленькие; и вот вижу я, что дерево за моим окном выше крыши соседнего шестнадцатизэтажного дома и напрямую с небом разговаривает, а небо, конечно, самое важное, поэтому оно всегда наверху, хотя и была у меня серия работ, где небо упало на землю, но это другая история.

20220207

№ 4. Мечты (три предложения)

Американская мечта вся такая солнечная на головокружительной скорости почти без одежды в вихре кружащихся подобно бабочкам или листочкам стодолларовых купюр и визгом тормозов у ворот роскошного дома, пугающих официанток с подносами вин, от испуга теряющих равновесие и падающих в бассейн.

Китайская мечта вся такая тихая в тени бамбука у края полукруглого пруда с парящими крыльями рукавов, с тихим шорохом кисти танцующей по бумаге под звуки древнего циня, доносящиеся из дальней беседки на склоне горы и прерываемые звоном колокольчиков у ворот, возвещающих прибытие императорского экипажа.

Русская мечта вся такая протяжённо-сложенная и невыразимо тоскующая среди трав, плывущих под ветром, летящим издалека, мимо одиноких тёмных могил, над которыми когда-то носился невидимый дух и пел, а ныне уже не носится, но кто-то всё же плывёт и поёт где-то там, вдалеке, будто плывут облака по земле, где нет ни дорог, ни домов, а если и есть ворота, то – в небо.

20220208